

5 (18) апреля

Священномученик
Алексий Кротенков

Священномученик Алексей родился в 1878 году в селе Неклюбка Верещагской волости Суражского уезда Черниговской губернии* в семье белорусского крестьянина Петра Кротенкова. В 1902 году Алексей окончил Приснянскую учительскую школу и, выдержав экзамен, поступил работать учителем в церковноприходскую школу в селе Неклюбка. По окончании Пастырских курсов в Москве Алексей Петрович 13 марта 1911 года был рукоположен во священника к церкви в поселке Ушкевском Туринского уезда Тобольской губернии. В 1915 году он был переведен в храм в село Нижне-Романовское Тобольского уезда, а в 1929 году – в храм во имя святителя Николая в селе Ницинском Ирбитского округа Уральской области, где прослужил до дня своего ареста в 1930 году.

В 1925 году церковь в селе была захвачена обновленцами, но, благодаря настойчивому неприятию их верующими села, храм снова перешел к православным. В состав прихода, кроме самого села, входило четыре деревни с общим числом верующих в 2160 человек. Хотя отцу Алексию и недолго пришлось подвизаться в этом селе, но он обнаружил себя здесь ревностным пастырем и проповедником, заслужив этим любовь прихожан.

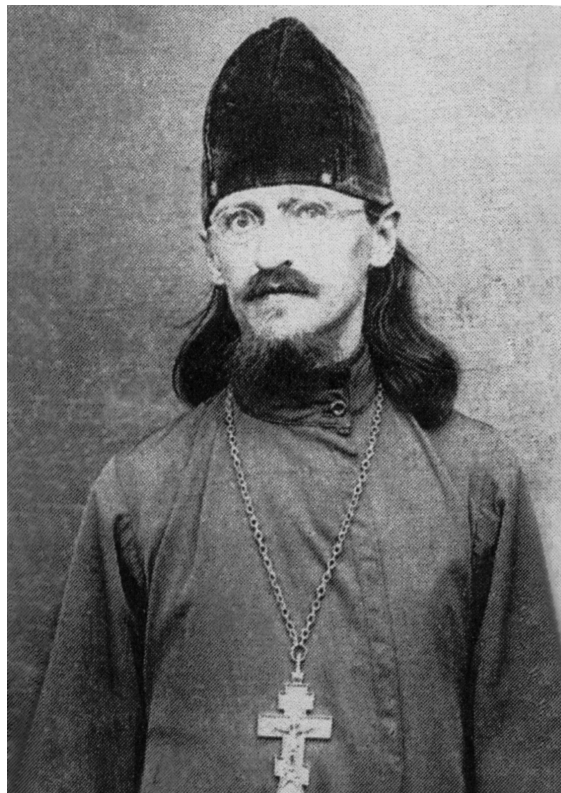
В конце 1929 года безбожные власти в селе Ницинском приняли решение закрыть храм. После того, как все обязательные платежи были приходом уплачены, а один налог даже дважды, сельсовет потребовал уплаты дополнительного страхового платежа в сумме 524 рубля. Поскольку заплатить такую сумму для прихода было непросто, отец Алексей послал старосту храма к благочинному, чтобы тот посоветовал, как поступить. Благочинный направил старосту в Ирбитский финансовый отдел, заметив, что в любом случае налог нужно будет платить, но надо справиться о порядке платежа в финансовом отделе. Староста передал благочинному и слова настоятеля храма, что даже в случае отказа прихожан платить налог, как несправедливый и непосильный, отец Алексей решил все же церковь не отдавать, остаться в храме с некоторыми прихожанами, пока не выяснится дело, а до тех пор всеми силами охранять храм от захвата его безбожниками. Благочинный на это ответил, что налог, конечно, нужно будет платить, надо делать усиленные сборы, а храм пока можно охранять.

Побывав у районного прокурора и в районном финотделе и взяв справки, суть которых заключалась в том, что налог необходимо заплатить, и получив разрешение районного исполкома на созыв приходского собрания, староста возвратился в село. На заседании церковного совета староста рассказал о своем посещении благочинного и местных властей. Отец Алексей на это заметил, что если не удастся собрать требуемую сумму с помощью добровольных пожертвований, то и в этом случае храм все же не следует отдавать – лучше умереть за веру православную, но не отдать святыни на поругание. Церковный совет постановил собрать сразу же после праздника Рождества Христова общее

* Ныне село Неглюбка Ветковского района Гомельской области (Беларусь).

приходское собрание, на котором верующие должны будут решить, смогут ли они заплатить еще один налог.

Во время служб перед праздником Рождества Христова священник стал настоятельно просить верующих, чтобы они пришли на общее собрание, так как решается судьба их приходского храма – будет ли в нем продолжаться богослужение или он будет закрыт.

Священник Алексей Кротенков

8 января 1930 года на собрание в храм пришли пятьсот двадцать пять человек; оно проходило в присутствии председателя сельсовета и местного милиционера. Староста сообщил, что в церкви был произведен ремонт, два раза была выплачена страховка, потом от храма потребовали уплаты третьей страховки в 524 рубля, но сегодня, буквально сейчас, председатель сельсовета объявил ему, что платить нужно не 524, а 1196 рублей. Прихожане, услышав эту цифру и узнав про третью страховку, стали выкрикивать: «Откуда нашли третью страховку?!» Стали раздаваться крики, что вопрос должен быть поставлен на голосование. И староста предложил поднять руки тем, кто против уплаты третьей страховки. Собрание проголосовало единогласно против. Сразу же после голосования председатель сельсовета и милиционер покинули церковь, и отец Алексей, обратившись с амвона к прихожанам, сказал: «Братья и сестры, завтра будет служба, приходите все обязательно».

Был написан протокол собрания, и староста отправился с ним в сельсовет, где сразу же был арестован; отец Алексей и часть прихожан остались на ночь в храме.

Утром председатель сельсовета и милиционер, взяв с собой старосту, пришли в храм. В это время заканчивалась утренняя служба; на службе присутствовало около двухсот человек, преимущественно женщин. После окончания утрени, перед тем как начаться литургии, милиционер громко всем объявил, что

поскольку группа верующих отказалась от уплаты налога, церковь до выяснения вопроса будет закрыта на два замка: один от сельсовета, а другой от верующих, и запечатана печатями. Присутствующие, услышав это сообщение, заволновались, и тогда староста, выйдя на амвон, сказал: «Братья и сестры, простите меня, меня вчера арестовали. Вы слышали – церковь отбирают. Прощайте, простите меня».

В церкви поднялся крик: «Старосту не отдадим и церковь не отдадим». Женщины окружили старосту и ухватили его за пояс, и милиционер тогда заявил: «Мы церковь не отбираем и старосту не берем», – и вместе с председателем сельсовета удалился из храма.

После их ухода отец Алексей, выйдя на амвон, сказал: «Православные, вы сами были сейчас свидетелями гонений... Безбожники и богохульники сейчас хотели закрыть храм, но им не удастся оторгнуть нас от веры... Мы должны тверже верить... быть готовыми умереть за веру православную. Не допустим хулиганов осквернять храмы. Сейчас везде, где есть колхозы, идет закрытие церквей, богохульники, богоотступники, забравшиеся туда, склоняют верующих на закрытие церкви. Верующий, истинный христианин, никогда не пойдет в коммуны и не согласится с закрытием церкви. Православные, я предлагаю всем верующим, кто свободен, остаться в церкви на ночь... Церковь запрем изнутри и никого пускать не будем, пока не убедимся, что от закрытия церкви откажется местная и центральная советская власть. До этого момента мы готовы умереть за веру Христову. Я лично из храма никуда не уйду – умру здесь».

9 января отец Алексей, члены церковного совета и прихожане, всего около пятидесяти человек, остались ночевать в храме. Были заперты изнутри двери и выставлен наблюдательный пост на колокольне. Первую ночь никто из присутствующих не спал. Служились молебны, и отец Алексей вел беседы с прихожанами. В одной из бесед он сказал: «Сейчас многие священники бросают церкви, снимают сан, я же ни одного волоса со своей головы не продам и за тысячу рублей, умру за церковь».

На другой день отец Алексей и церковный совет командировали старосту храма в Ирбит к благочинному, чтобы поставить того в известность о происходящем, и к советским властям – узнать, не будет ли все же скидки с налога. Благочинный, выслушав старосту, посоветовал не оставаться в храме такому количеству прихожан, а только членам церковного совета. В тот же день в село прибыл председатель районного исполкома и стал уверять приходящих к нему за разъяснениями верующих, что церковь закрыта не будет. С этого времени в церкви стали дежурить круглосуточно лишь священник и небольшая часть прихожан, но всем было объявлено, что в случае попыток насильственного захвата церкви безбожниками верующие будут оповещены набатом.

16 января отец Алексей вновь командировал старосту в Ирбит, чтобы тот испросил в районном исполкоме разрешение на проведение крестного хода в праздник Крещения, а также зашел к благочинному, поставить его в известность о положении дел и сказать, что волнение успокаивается, но он, отец Алексей, будет оставаться в церкви, так как при выходе его арестуют, а без его ареста церковь не смогут закрыть. Староста был арестован у здания районного исполкома. Безбожники уже приняли решение не допустить службы на праздник Крещения, когда будет большое стечение народа, и до этого арестовать священника.

Вечером того же дня к супруге отца Алексея приехал под видом советского начальника из округа сотрудник ОГПУ и стал с лицемерным сочувствием расспрашивать о происходящих событиях, а затем дал понять, что мог бы

повлиять на ход дела, но для этого необходимо переговорить с ее супругом. Агент действовал с такой ловкостью, что вполне убедил женщину в своей искренности, желании помочь и возможности мирного исхода, если она согласится прибегнуть к его помощи и вызовет мужа из храма.

Вняв уговорам оболъстителя, супруга отца Алексея глухой ночью отправилась в церковь, чтобы предложить мужу пойти домой и переговорить с приехавшим «чиновником». Священник на это ответил: «Меня арестуют, я это чувствую!» Супруга стала горячо убеждать его, что этого никак нельзя заподозрить по разговору пришельца. Отец Алексей не верил, но она не отступалась и продолжала убеждать прийти домой для переговоров, вновь и вновь приводя аргументы, которыми прельстил ее лукавый сотрудник ОГПУ. Видя, что супруга неотступна, отец Алексей смирился. Он усердно помолился у образа Афонской иконы Божией Матери, чтобы Путеводительница и Царица Сама сопровождала его и в этих временных жизненных обстоятельствах, и на пути к жизни вечной. Затем отец Алексей вышел с супругой из церкви и по темной, пустынной улице направился к дому, где сразу же был арестован приехавшими из Ирбита сотрудниками ОГПУ и заключен в ирбитскую тюрьму.

Храм был закрыт, и начались аресты; всего по этому делу было арестовано шестнадцать человек, причем среди них были люди и не имевшие никакого отношения к храму.

Будучи допрошен, отец Алексей признал только то, что действительно, учитывая желание и просьбы верующих, согласился оставаться на ночь в церкви, в сторожке, в остальных же «пунктах, предъявленного мне обвинения, – заявил он, – я виновным себя не признаю, так как никакой агитации и проповедей против советской власти я не вел».

25 марта 1930 года было составлено обвинительное заключение. «В начале 1929 года Окружной отдел имел сведения, – писали сотрудники ОГПУ в обвинительном заключении, – что кулаки, бывшие каратели и белогвардейцы, являясь членами церковного совета ницинской церкви тихоновского течения, сгруппировались вокруг церковного совета, поставив задачей активную борьбу против советской власти и проводимых ею мероприятий в деревне, как-то: хлебозаготовок, самообложения, увеличения посевных площадей и особенно против коллективизации сельского хозяйства.

Организатором и вдохновителем этой кулацкой группировки явился священник ницинской старотихоновской церкви Кротенков Алексей Петрович, прибывший в Ницинское в марте 1929 года...

Имея поддержку в лице кулаков, Кротенков со дня приезда каждое воскресенье начал читать проповеди ярко контрреволюционного содержания, открыто призывая верующих быть преданными православной вере, Церкви Христовой и не вступать в богопротивные колхозы, «где собрались безбожники, богохульники и хулиганы, которые смущают верующих... но истинным верующим не место быть в рядах безбожников...».

Кроме того, отцу Алексею было поставлено в вину, что он в церкви повесил православный календарь, снабдив его выпиской из Священного Писания: «Ибо они, получив свободу, презрели Всевышнего, пренебрегли закон Его и оставили пути Его, а еще и праведных Его попрали и говорили в сердце своем: “Нет Бога”, хотя и знали, что они смертны. Как вас ожидает то, о чем сказано прежде, так и их – жажда и мучение, которые приготовлены. Бог не хотел погубить человека, но сами сотворенные обеславили имя Того, Кто сотворил их, и были

неблагодарными к Тому, Кто преуготовил им жизнь. Посему суд Мой ныне приближается... (3 Кн. Езд. 8, 56-61)».

11 апреля 1930 года тройка ОГПУ приговорила отца Алексея к расстрелу. Священник Алексей Кротенков был расстрелян 18 апреля 1930 года и погребен в общей безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 35-41